

Девочка, которая всегда смеялась последней

Автор:

[Александр Цыпкин](#)

Девочка, которая всегда смеялась последней

Александр Евгеньевич Цыпкин

Одобрено Рунетом

Александр Цыпкин – автор бестселлеров «Дом до свиданий», «Женщины непреклонного возраста», общим тиражом более 200 000 экземпляров.

Его рассказы по всему миру со сцены читают:

Сергей Бурунов, Максим Виторган, Сергей Гармаш, Михаил Горевой, Ингеборга Дапкунайте, Виктория Исакова, Данила Козловский, Ольга Литвинова, Максим Матвеев, Анна Михалкова, Ксения Раппопорт, Пётр Семак, Евгений Стычкин, Ольга Сутулова, Виктория Толстоганова, Павел Табаков, Полина Толстун, Николай Фоменко, Константин Хабенский, Юлия Хлынина, Дмитрий Чеботарёв, Сергей Шнуров, Катерина Шпица и многие другие.

Наконец-то можно не только услышать, но и прочитать уже ставшие знаменитыми рассказы «Снег», «Мадо», «Не скажу» и новые истории Александра Цыпкина.

Александр Цыпкин

Девочка, которая всегда смеялась последней

© Александр Цыпкин, текст, 2018

© Анна Ксенз, иллюстрации, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается в который раз мне

Дорогие друзья, не прошло и двух лет, как вы держите в руках третий сборник моих рассказов. Я последовательно отстаиваю свою позицию: я не совсем писатель, я все-таки больше автор текстов для чтения со сцены, поэтому книга будет тоже составлена так же, как проходит театральный спектакль: первое отделение, антракт, второе отделение.

В театральном антракте традиция обязывает нас посетить буфет. Я, к сожалению, не могу обеспечить исполнение этого ритуала всем вам, поэтому рассчитываю на вашу самостоятельность и сознательность. Не подведите меня.

И сразу оговорюсь. Меня часто упрекают в использовании ненормативной лексики, говорят, что из-за этого не каждому человеку можно подарить книгу. Даже моя собственная бабушка жаловалась. Слово бабушки – закон. Вы держите в руках версию моего сборника без мата (но я обязательно издам потом версию с ним). Мат убрал, и моментально случилась незадача. Героя первого и еще нескольких рассказов зовут Славик-не-... и тут как раз такое слово, означающее «врать». Не скрою, Славик не первый раз лишается своего полного имени. Мы с коллегами-артистами регулярно читаем рассказы на сцене знаменитого Дома музыки, вотчины маэстро Владимира Теодоровича Спивакова. Так вот, Владимир Теодорович накануне выступления позвонил и попросил не использовать мат. Что любопытно – просьба эта была озвучена с использованием того самого мата, разумеется в добродушной и дружественной манере, что не убирает диалектичность ситуации. В итоге по предложению Вики Исаковой Славик-не-... превратился в Славика-не-говори-неправду. Ну вы сами можете, если есть желание, при прочтении произносить про себя и не при детях оригинальное имя.

Теперь точно всё. Спектакль начинается!

Первое отделение

Женщины верят лишь в то, во что хотят верить

Славик-не-говори-неправду (так его звали со школы) был неоднозначен во всем, кроме двух позиций. Стопроцентный коренной москвич и стопроцентный негодяй. Кстати, по первому пункту у окружающих могли возникнуть какие-то вопросы, все-таки у каждого свое определение понятия «коренной». Ряд ультра-с уверенны, что обе бабушки и оба дедушки должны родиться в городе, чтобы ты имел право смотреть свысока на приезжих. У Славика дедушка родился в Житомире, но уже в десять лет был перевезен в Москву (к несчастью для города, точнее, для его трогательных барышень). Иосиф Михайлович до самой смерти пил кровь из москвичек и чаще всего имел сразу несколько источников такого неоднозначного вдохновения, о чем они, то есть источники, не догадывались, так как ложь выбрала маленького Йосю в приемные дети сразу по рождении. Это свое уникальное свойство предок передал Славика, что и послужило основой второго стопроцентного качества, в котором уж точно никто не сомневался.

Молодой человек тридцати восьми лет был, как я уже отметил, абсолютным негодяем. Нет, разумеется, не убийцей и не садистом. Просто у Славика не было ничего святого, и он в это свято верил. Отметим, что, когда дело касалось мужчин, в Славике срабатывал житомирский инстинкт самосохранения, особенно после двух поездок за город. В наручниках. В багажнике. С лопатой. Славик воспринял эти предупредительные туры как знак свыше и сконцентрировался в своей жажде обмана на женщинах.

В качестве примера легкой шалости могу привести прекрасную историю о том, как Славик водил любовницу к себе домой, где жил с женой Людмилой и дочерью. Он убеждал девушку, что это квартира его друга и он просто берет ключи. На вопросы, почему друг носит его одежду, он отвечал, что они вместе ходят в магазин. Наличие на тумбочке своих фотографий с женой друга он объяснял тем, что они очень близки с детства. Более того, один раз Славик

подарил любовнице пиджак «Шанель», купленный его женой самой себе накануне. Размер у женщин был схожий. Славик увидел дома одиноко стоящий пакет, заглянул, что внутри, и, сказав, что еще вчера его сюда занес, вручил барышне. В краже пиджака была обвинена кухарка, которая работала у них уже два года. Деньги за пиджак Славик попытался с нее вычесть, но не дождал, о чем сильно переживал. Важное дополнение. У Славика водились деньги. Большие. Да и с сексом проблем тоже не было. Обман являлся для него фетишем и искусством. И в нем он достиг серьезных высот.

Не раз Славик прикидывался онкологическим больным, у которого завтра химия, отчего его мужская функция угаснет навсегда, и поэтому сегодня его последний возможный секс. Какая русская женщина откажет в такой просьбе? К тому же стать у мужчины последней – это даже круче, чем первой. В двух случаях Славик утром получал еще и крупную сумму денег на лечение своего заболевания. Думаете, он отказывался? И это, повторюсь, детские шалости. Так, небольшое лукавство. Системные и комплексные разводки заслуживают отдельного повествования. Но что стоит отметить: Славику всегда верили. Даже когда его жена и любовница столкнулись в подъезде той самой квартиры. Славик их познакомил, жене сообщил, что это дочка генерала Хадякова, которая смотрела их квартиру на предмет возможной покупки, быстро ее проводил и вернулся домой. Наличие в ванной сережек дочери генерала Хадякова Славик обосновал радикально. Он начал истерить о невозможности жить в атмосфере недоверия:

– Неужели ты думаешь, я смог бы переспать с дочкой генерала Хадякова, и при этом у нас дома?!

– Ты – да. – Спокойно ответила жена.

Славик заплакал и сказал, что у него все-таки хоть что-то святое, но осталось, а дочка генерала Хадякова вообще лесбиянка и попросилась в душ, так как пришла со свингерской лесбийской вечеринки. Жена после такого откровения вымыла всю квартиру мирамистином.

На одном из случайных дружеских собраний жена Славика столкнулась наконец с генералом Хадяковым, который вместе со своей супругой спокойно пил шампанское. Славик всех познакомил, о чем моментально пожалел.

– Как у вашей дочери дела? Не надумала насчет квартиры? Славик сказал, она ей понравилась, – скорее всего, дежурно поинтересовалась Людмила.

– У меня нет дочери, только сыновья, ну или я чего-то не знаю. – Генерал Хадяков громко усмехнулся, а вот жена генерала Хадякова – нет. Вероятно, она знала, что чего-то может не знать. Галина Петровна метнула в мужа молнию и ушла.

Славик оценил ситуацию и моментально придумал новую комбинацию, увел жену куда-то и прошипел:

– Ты что, дура?! Не понимаешь, что у него дочка не от жены? О ней никто не знает! Можешь меня не подставлять на ровном месте?! Это секрет!

Люда была, мягко скажем, на взводе.

– Славик, а почему ты в курсе этого секрета? Ты – последний, кому можно доверять секреты, уж прости!

Славик надел драматическую маску.

– Ладно, скажу правду... но... сама решай, что с ней делать. Мать дочки – это троюродная сестра моей мамы.

– Первый раз слышу про троюродную сестру твоей мамы! Мы женаты столько лет!

– Потому что мне можно доверять секреты, поэтому и первый раз слышишь. Представляешь, по какому краю генерал ходит?!

Люда Славiku не поверила, устроила скандал прямо на приеме, и они уехали домой, как и разругавшиеся Хадяковы. А потом произошло событие, от которого Славик-не-говори-неправду окончательно уверовал в свою избранность.

Возвращаясь с мероприятия, Славик и Люда молчали.

Тут необходимо сделать лирическо-научное отступление. Люда была... ну назовем это – реалистом широких взглядов. Она все про мужа понимала, но в ее голове существовал некий кодекс его поведения, и привод любовниц домой кодекс категорически запрещал. Если интересно, я потом подробно остановлюсь на Правилах измен, разработанных Людмилой Корчной для своего супруга, но не сейчас. Лишь скажу, что указанная выше позиция была для нее принципиальной, поэтому Славика-не-говори-неправду ждала серьезная разборка с непредсказуемым финалом, и он об этом знал. При водителе Люда отношения не выясняла, этим и была вызвана тишина, которую вскрыл звонок, как это было ни странно, генерала Хадякова. Жена увидела на экране имя и рявкнула:

– Сучонок, ставь на громкую связь. Хочу послушать, что генерал тебе скажет. Твое вранье и по нему ударило, как я понимаю. Просто я первая в очереди тебя убить.

Выхода у Славика особо не было. Он приготовился умереть молодым.

Из динамика послышалось предельно удивительное. Нервный и испуганный голос генерала Хадякова сообщил следующее.

– Славик! Как ты умудрился познакомиться с моей дочерью?! Про нее никто не знает, а она у тебя квартиру хочет купить! И зачем ей квартира в Москве?! Ты что, не мог меня предупредить?! Убью и тебя, и ее! Она сейчас летит в Нью-Йорк, к телефону не подходит.

Славик почувствовал, как кожа его растянулась по всему телу. Он выдохнул и загадочно произнес:

– Олег Григорьевич, это долгая история. Она вам сюрприз готовит, нашла вот меня, я молчу, как просила. При встрече расскажу вам подробно. Простите, что подвели вас с женой, ничего женщинам доверять нельзя, простите еще раз... Вот она передает вам извинения, мы вместе в машине сейчас.

Славик торжественно-укоризненно посмотрел на жену, застывшую с бутылкой воды, из которой думала сделать глоток, когда позвонил генерал. Она была со Славиком с момента скандала и видела, что он никому не звонил и не писал.

Он и правда не просил генерала ему подыграть. Славику-не-говори-неправду просто инфернально повезло. Он выстрелил в небо и попал в главную утку. У генерала Хадякова действительно была дочка, о которой жена генерала Хадякова не знала, как и практически никто. Жила она за границей и существование никому не портила, иногда приезжала.

Закончив разговор, не веривший в чудесное избавление от смертной казни Славик решил использовать ситуацию по максимуму. Он вбивал в жену комплекс вины, как Петр Первый сваи в Заячий остров. Навсегда.

- Знаешь, что самое неприятное? Не то, что ты мне не веришь, а то, что ты считаешь меня способным на такую низость. Я не святой, ты знаешь, но какие-то понятия у меня еще остались. Наш дом, наш с тобой...

Славик стал подбирать слово.

- Наш с тобой храм любви.

Славика, на радостях очевидно, понесло, но остановиться он уже не мог.

- Прости за громкие слова. Он неприкосновенен. Я никогда не приводил и не приведу в него другую.

Непробиваемая Люда получила торпеду ниже ватерлинии. Чуть ли не впервые за долгие годы семейной жизни.

- Ну прости, Славушка... Ну я же знаю, что ты... ну... можешь устроить... Прости, правда, забыла, что ты глубоко внутри очень порядочный мужчина.

В тот же вечер Славик позвонил генералу Хадякову и все рассказал. Повинился.

- Слава, ну ты хоть бы предупредил! Мне-то что теперь жене сказать?! Она и так подозревала...

- Дайте ей трубку.

- Зачем?

– Я всё улажу. Просто доверьтесь.

Генерал спорить не стал.

– Слава, я не хочу с вами разговаривать!

– Галина Петровна, выслушайте! У меня не было выхода... Это моя дочь. Людмила не знает. Это было еще до нее, я узнал, только когда мы поженились, а у нас тогда ребенок не получался, и я решил ее не травмировать... Скрыл, но всю жизнь поддерживал, вот захотел дом свой показать, и Люда пришла... случайно! Я берегу ее чувства, я не знал, что делать. Пришлось импровизировать. Хотел вас предупредить и не успел... Простите, я так виноват, так виноват...

Как это часто бывает, оценка моральности поступка мужчины для женщины зависит только от одного. Ее ли это мужчина или нет. Галина Петровна Люду не очень любила за молодость и красоту, поэтому сразу же приняла сторону Славика. Славик, как всегда, все рассчитал верно.

– Славочка, ну что же вы не сказали... Я бы вас, конечно, поддержала! Вы очень благородный человек, чувствительный. Не переживайте, спокойно скажите жене, что... Ну придумаете, что сказать. Я все подтверждаю.

– Спасибо вам большое! Я знал, что вы меня поддержите! Верил в вас! Еще раз простите. И все-таки вопрос... А как мне быть, если я Люде не признаюсь? Она же будет думать, что муж вас обманывает.... что у него ребенок.

– Пусть думает, что хочет, я-то правду знаю, и мне твое спокойствие дороже. Потом когда-нибудь все выяснится, тогда и скажу, что знала. Не переживай. Скажи, что для меня это не секрет, просто я разъярилась оттого, что кто-то еще узнал. Передаю трубку Олегу. До встречи! Привет дочери. Если что, всегда можете на нас рассчитывать, мы о ней позаботимся. Сколько ей?

Славик как-то не подумал о потенциальной очной ставке и что Люда видела «дочку», которой в реальности было двадцать шесть, но делать было нечего, он назвал максимально возможную цифру.

– Девятнадцать.

– Совсем еще юная. Приходите в гости. Или можете нашей дачей распорядиться. Нам можно доверять тайны. Люда ничего не узнает. Я понимаю, как вам с ней иногда тяжело.

Славик подумал, что в случае чего на дачу к Хадяковым он может приезжать с разными дочками. Галина Петровна очевидно имела на Люду зуб мудрости и также очевидно будет рада любому удару по ее самооценке, даже тайному. Славик всегда ценил женщин именно за любовь к себе подобным. Это был неиссякаемый источник для его комбинаций. В будущем Славик не раз ездил на дачу к Хадяковым. Жене он говорил, что едет с генералом на разговор, и Галина Петровна версию всячески поддерживала. Звал на «инцестную дачу» Славик и генерала, но тот сказал, что честь офицера не позволяет ТАК обманывать жену. Но вернемся к тому разговору.

Трубку взял генерал Хадяков, который предусмотрительно вышел в другую комнату. Генерал пребывал в состоянии абсолютного восхищения и изумления.

– Слава, можешь мне не объяснять. Я все понял. Я даже говорить ничего не буду. Эх, на войну бы тебя... в разведку. Такой талант пропадает. Ну приходи с «дочкой». Покажешь хоть. И кстати, Люде-то ты что скажешь?

– Ну, как вы понимаете, из-за того звонка Люда про вашу дочку знает от вас...

– Да понимаю уж... Но она спросит, что ты сказал Гале.

– Это уже легче. Скажу то же самое, что Галине Петровне, но только добавлю, что на самом деле это неправда, что пришлось импровизировать и дать вашей жене версию, в которую она поверит. Попрошу поддержать легенду ради вас. Это же Люда язык за зубами держать не умеет, пусть теперь отрабатывает. А вы Галину Петровну попросите никогда эту тему при Люде не поднимать. Как будто нет ее.

– То есть она будет думать, что у меня дочь есть.

– Да.

– Но что Галя про это не знает и думает, что это твоя дочь.

- Да.

- Про которую не знает Люда.

- Именно.

Олег Григорьевич взял паузу и с опаской поинтересовался:

- Слава, а ты в Бога веришь?

Сам силовик верил во что-то среднее между Лениным, Путиным и Николаем-угодником, но этот вопрос он задал с максимальной степенью серьезности. Славик ответил моментально.

- Олег Григорьевич, главное, чтобы Он в меня верил.

- Разумно.

Переведя дух, генерал решил уточнить ряд деталей.

- Слава, а почему ты думаешь, что однажды Люда и Галя не поговорят по душам? И вся конструкция рухнет, уж поверь, я тебя не спасу. Все вместе на дно пойдём.

- Знаю! Но не рухнет. Женщины верят лишь в то, во что хотят верить. И никогда не будут искать доказательства обратного. Уверяю вас, они будут смотреть друг на друга в полной уверенности, что знают правду, но не обмолвятся ни словом.

- Славик, может, все-таки в разведку?

-хлопотно и платят мало.

- Это точно. Ладно, комбинатор, держись!

Славик был прав. Люде его версия очень понравилась, и она вступила в сговор.

– Ну и хорошо, что ты Галине Петровне все так объяснил, думаю она «порадовалась» за меня. Я чувствую, как она меня на самом деле терпеть не может. Сейчас будет смотреть и думать о своей тайне, которую только она знает, а я буду знать, что это она дура. И то радость. Ну ничего, пройдет несколько лет, все забудется, и тут я объявлю, что знала все давно. А генералу передай: если что, он всегда в наш дом с дочкой велкам, хороший он мужик, всю жизнь эту гримзу терпит.

Славик восхитился в третий раз.

– Хорошо, передам! Только я тебя прошу, при встрече с Галиной Петровной тему дочки вообще не поднимай, как будто нет ее. Я тебя очень прошу!

– Конечно!

Славик начал расслаблять все напряженные органы – и вдруг Люда вернула в матч интригу.

– Славочка, а у меня вот неожиданный вопрос, на который я тебя попрошу ответить честно.

Славик-не-говори-неправду забыл, когда он отвечал честно, и даже сначала не очень понял, что это значит. Просто промолчал.

– Вот ответ. Ты бы мне сказал, если бы у тебя реально дочка была? В смысле, если бы она родилась в момент нашего брака?

Славик автоматически начал искать скрытые подтексты и ловушки, поэтому отвечал с некоторыми паузами.

– Мне сложно тебе врать в таких серьезных вопросах. Я и в мелочах-то стараюсь...

– Слава! Не... – Тут Люда выругалась, назвав мужа полным именем.

– Сказал бы! Чего с таким грузом жить.

Невеликий комбинатор так устал от этого похода по огненному канату, что немного потерялся и неожиданно вернул Люде вопрос.

– А ты бы сказала?

Люда внимательно посмотрела на мужа и улыбнулась.

– Славик, ты, конечно, у меня тупица непроходимый. Сложно родить ребенка, чтобы муж не заметил. Хотя, зная твою рассеянность... Пойдем ужинать, поднимем бокал за генерала Хадякова. Слушай, а генерал хоть в курсе, что она лесбиянка и по притонам шляется?

Славик понял, что врать больше не может.

– Да хрен их там всех знает, если честно. Не семья, а черт знает что.

Мадо

Степа прибыл в Перу с одной целью.

Кокаин.

Маме и жене Любе он, разумеется, сообщил, что хочет наконец вылечить астму, а в Перу – горы, разреженный воздух и прочие блага. Начальника Степа убедил в необходимости дать ему новый проект ради повышения мотивации и получения опыта раскрытия закрытых чакр. Начальник плотно сидел на эзотерической ереси и во второе активно поверил. На его беду, у конторы и правда имелись интересы в латиноамериканской стране. Таким образом как-то под Новый год Степа оказался в Лиме. С ним прилетело еще трое оболтусов: один из его конторы, двое за компанию. Цели были сопоставимы. Попро бовать.

Около тридцати, хорошие мальчики, хотят наконец попробовать, каково это – быть плохими; и это прекрасное начало верного и иногда очень трагического конца. Лучше бы им мамы объяснили, что логично идти от плохого к хорошему, а не наоборот. Но...

Друзья приехали, кое-как отработали и одним вечером договорились пуститься во все тяжкие (в их понимании этого слова), то есть купить где-нибудь порошок и, забаррикадировавшись в одном из номеров, что-нибудь с ним сделать. Что именно, они знали по фильмам. Оттуда же они знали про наркомафию, которая убивает всех и всегда. Просто ради жажды смерти. Редкие живые жители этих стран пребывали в постоянном ужасе.

С одним из таких Степа сдружился. Его звали Карлос.

Субтильный субъект лет двадцати пяти, исполнявший роль гида, переводчика, водителя, носильщика и шерпа. Карлос был... ну вот нет другого слова: растяпа. Эталонный. Классический. Его спасала только доброта. Надо отметить – исключительная. А еще Карлос иногда заикался, очень этого стеснялся и из-за всего этого выглядел особенно трогательно. Степа любил добрых людей и верил им. Когда встал вопрос, где взять кокаин, друзья перевели стрелку на Степу.

– Степ, ну ты сам это замутил, решай теперь. Говорят, здесь у любого можно купить.

Степа с презрением всезнающего прохладно заметил:

– Здесь и ствол у любого. Тут так можно влипнуть... Туристов пасут, потом подставляют и сажают. Выходят за выкуп. За меня Люба платить не будет. Скорее, заплатит, чтобы не выпустили. Надо найти надежного человека.

Друзья ожидаемо поинтересовались:

– У тебя есть?

Надежных людей в жизни Степы в принципе не было. Люба и родители не в счет. Надежные люди опасались, что Степа их заразит своей абсолютной ненадежностью. Тем не менее Степа лаконично взял новую высоту:

– Есть. Один.

Разговор с Карлосом шел лично, в лобби отеля, но по зашифрованному Степой каналу.

– Карлос... у меня вопрос. Я хочу купить то, зачем сюда все едут.

Карлос завис.

– А з-зачем сюда в-все едут?

Карлос в сравнении с раздувшим брутальность Степой казался Малышом из «Карлсона». Степа даже усмехнулся.

– Ну как – «зачем»?.. За продукцией господина Эскобара, царствие ему небесное.

Малыш изумился.

– Ты сейчас с-серьезно?

– Мы в России шутить не привыкли.

Степа стал похож на Дона Корлеоне. Важная деталь: в России он торговал шоколадками. Но предчувствие кокаина творит чудеса. Голос Степы был похож на звук летящего МиГ-29.

– Ты сможешь достать? У вас здесь в разы дешевле и качественнее, чем у нас.

Карлос замолчал, прикусил верхнюю губу и вдруг выпалил:

– Смогу... А много?

Степа глянул по сторонам и пальцами показал пять.

– Поэтому и не хотим на улице брать, а только у своих. Если ты поможешь, я буду тебе очень благодарен.

Карлос задумался, пересчитал пальцы Степы, выдохнул и как-то тревожно то ли согласился, то ли предупредил:

- Хорошо... Я отвезу тебя, но если что-то пойдет не так, то... всем к-к-к...
Понимаешь?

- Конечно. Я все понимаю. Давно живу. Кое-что видел. Я даю слово, что все будет четко. И никто не узнает. Приехали, купили, уехали.

Степа был исключительно конкретен.

Вечером Карлос заехал за Степой. Тот был с какой-то сумкой. Карлос вопросительно-утвердительно взглянул. Степа с улыбкой пояснил:

- Куплю фруктов по дороге назад.

Карлос кивнул.

- Это за городом. Ехать час.

- Не вопрос. Ты хвост проверил? - Степа из роли выплыть не мог.

- К-кого?

- Ну мало ли - за нами следят. Могли разговор подслушать.

- Вроде н-никого не было. Деньги т-ты взял же?

Перуанец кивнул в сторону сумки.

- Конечно. - Степа продолжал в этот момент смотреть в окно в поисках хвоста.

Отчаянные парни выехали из города и двинули по ночной, практически сельской дороге.

- Мы едем к М-мадо. Он из индейцев. Человек н-немногословный. Говори ему п-п-правду.

Карлос обнаружил первые признаки страха. Степа их тут же удвоил и понял, что вот она – проверка на мужественность. И на честность.

Они зашли в странный дом. Огромная комната, «лампочка Ильича», стол. На нем кокаин: горы кокаина. Россыпью и в упаковках всех возможных форм. За столом Мадо.

Ему было далеко за пятьдесят. Грузноватый, но исключительно мощный. Медвежьи ладони тем не менее казались чуть ли не женскими, что-то в них было заботливое. А вот глаза... Они выжигали всё, на что смотрели. Мадо встал из-за стола и как-то неумолимо прижал Степу просто взглядом. Он говорил очень медленно и начал со штампа, напомнив Степе плохое кино.

– Ну здравствуй, гринго.

– Здравствуйте. Спасибо, что...

Степа не понимал, за что сказать спасибо, но так учили.

– Очень рад знакомству.

– Почему?

Мадо говорил на ломаном английском, но он был понятен любому живому существу. В его речи не было ни единого лишнего суффикса, не то что слова. Звуки вылезали из горла медленно и беспощадно. Степу как будто обвивала анаконда. Ему даже стало тяжело дышать. Он подумал, что может и приступ хватить на нервной почве, хорошо, что ингалятор был с ним. А Мадо продолжал:

– Не надо быть вежливым. Ответь на вопрос. Как ты перевезешь кокаин в Россию? По какому каналу?

Степа сглотнул, в горле пересохло, он продребезжал:

– Я не собираюсь везти его в Россию. Вы что! Зачем?

– А что ты с ним будешь делать?

- Мы хотели с друзьями хорошо п-провести время. - Посмотрев на Карлоса, Степа сам стал заикаться.

- И сколько у тебя друзей? - В змеиных глазах Мадо сверкнуло что-то человеческое.

- Трое.

- И как долго вы собираетесь хорошо проводить время?

- Пару дней до отъезда.

Мадо подошел ближе. Голос стал ртутным.

Степа почувствовал, что сейчас кислород перестанет входить в легкие.

- Тебя предупреждали, что за ложь я делаю людям очень больно?

Степе стало очень больно даже от тембра голоса. Он процедил:

- Да. Я сказал правду.

- Правду? А ты ведь познакомишь меня со своими друзьями?

- Конечно, только зачем.

В голосе Мадо звучали ирония, азарт и угроза.

- Я хочу посмотреть на людей, которым нужно на троих на пару дней, - он взял паузу, - пять килограммов кокаина.

Степа мгновенно взмок. С обреченностью в голосе он как будто сознался, а не ответил:

- Мне нужно пять граммов. Мне не нужно пять килограммов.

Мадо посмотрел на стол, заваленный кокаином, и на Карлоса. Тот стал настолько бледным, насколько позволяла его латиноамериканская кожа. Нижняя челюсть медленно отвисала.

- Пять граммов... Как интересно. А Карлос про это знал? Что ты ему сказал? Подумай хорошо. Вспомни. От этого многое зависит в твоей жизни и в жизни Карлоса.

Степа вспомнил и по слогам произнес.

- Он спросил, много ли мне нужно, я показал пальцами пять. Мы друг друга не поняли.

- Как часто люди друг друга не понимают...

Степа увидел, как по Карлосу сползла объемная капля пота.

- Карлос, это правда?

Он кивнул.

- Ну что ж, гринго. Иди. Тебя отвезут так, чтобы ты нас потом не нашел, ну а дальше пешком. Возьми палку, столько плохих людей ночью ходит...

- А Карлос? - с тревогой спросил Степа. Мадо равнодушно ответил:

- А Карлос всё. Ты его больше никогда не увидишь. Мне кажется, ему пора поговорить с духами.

Карлос опустил голову и задрожал. Степа вышел. Его плотно взяли под руки и повели к машине. И вдруг он начал задыхаться. Настоящий мощный приступ. Последний раз такое было с ним давно, пару лет назад. Он захрипел и начал искать в карманах ингалятор.

Степу приучили всегда носить его с собой, но руки не слушались, воздух заканчивался, он кое-как глотнул ночной прохлады, неожиданно нащупал

спасительный пластик, чуть не проглотил баллончик и рухнул на землю. Кислород. Кислород. Степа тонул в нем, пил его всем телом, приходил в себя, оживал – и вдруг острая боль. Карлос! Возможно, прямо сейчас Карлоса убивали. Из-за него, из-за его идиотизма. Степа представил, как Мадо сворачивает тонюсенькую шею мальчишки Карлоса, и понял, что либо сейчас, либо никогда.

Степа был трусом. Все детство его били в школе. Он запирался в туалете и плакал. От этого его били еще больше. Почти каждый день. Годами он жил в страхе. В итоге Степа стал бояться абсолютно всего... но иногда жизнь не оставляет выбора. Степа оттолкнул обоих бандитов, рванул в дом, выбил дверь ногой, влетел в комнату Мадо и заорал:

– Стойте!

Индеец держал Карлоса за шею и что-то шипел на испанском. Увидев Степу, он удивленно, но очень спокойно спросил:

– Чего тебе, гринго?

– Я куплю пять килограммов! – выпалил Степа первое, что пришло в голову.

Мадо отпустил Карлоса и с холодным любопытством посмотрел на Степу.

– У тебя есть деньги?

– Сколько это стоит?

– 60 000 долларов. У тебя они с собой?

Степа осунулся, но не сдавался.

– Нет, таких денег у меня нет... Я с вашим человеком поеду в город, сниму с карты все, что есть, там, там... ну... тысяч восемь. Остальное найду в течение трех дней, пока оставляю у вас паспорт, а товар вообще не буду забирать. Вы ничем не рискуете!

– Что значит – не будешь забирать?

– Мне не нужно столько, просто, пожалуйста, не убивайте Карлоса. Он не виноват. Если я куплю пять килограммов, вы его отпустите? Ну пожалуйста! Это моя ошибка, моя!

– А если ты не найдешь эти деньги, что тогда?

Степа начал ощущать какой-то животный страх, но справился даже с ним, хотя говорил все менее и менее уверенно...

– Тогда я останусь и буду здесь, пока их не пришлют из России.

Мадо же затянул тиски на максимум и задал вопрос в лоб:

– А если их не пришлют?

Степа понимал, что их могут не прислать, просто не успеть, или не собрать, или черт знает что еще может случиться. Карлос попытался что-то сказать Мадо на испанском, но тот очень резко оборвал его. Карлос затих. Мадо превратился в каток, ползущий прямо на Степу:

– Гринго, что будет, если их не пришлют?

Степа молчал. Но вот что странно. С каждой секундой страха было все меньше. Из глубины детских переживаний наконец проросли отвага и отчаянность.

– Когда не пришлют, тогда и решим, но я не уеду без Карлоса!

На этой фразе отвага закончилась, и Степа ужаснулся всему сказанному. Он даже подумывал сбежать. Но индеец вдруг подобрел, подошел ближе и сказал скорее Карлосу.

– Гринго, я долго жил, я знаю ответы на все вопросы, а вот на этот не знаю... Скажи мне... а почему... почему Карлоса все любят? Почему?! Мои родители, мои дети, моя сестра, она вышла за него замуж. Даже я его люблю. Но это можно объяснить. Семья. Но ты? Вот ты почему?! Ты рисковал жизнью ради этого неудачника?!

Степа как будто не понял и озадаченно спросил.

- Простите.... Он ваш родственник?!

- К несчастью, да!

- И вы все равно собирались его убить?!

Наконец Мадо вспылил. А последний раз с ним такое было до рождения Карлоса и Степы.

- С чего ты взял, что я хотел его убить?! Я редко убиваю людей, и только если они у меня воруют, но нельзя убивать человека, если духи украли у него разум.

Глаза Степы выражали высшую степень озадаченности.

- А почему бы я его больше не увидел?

Мадо взорвался.

- А зачем?! Он бы посидел здесь до твоего отъезда. Мало ли что еще вы, идиоты, придумаете. Убить Карлоса! Гринго, ты слишком много смотрел кино. Но ты меня удивил. По-настоящему. Скажи, почему ты решил спасти Карлоса? - Мадо вновь стал похож на удава, но теперь на доброго и озадаченного.

Степа ответил со слезами в голосе:

- Я не смог бы жить, если бы Карлоса убили из-за меня.

И вдруг Степа осмелился сам задать вопрос:

- А разве вы бы бросили друга?

Мадо не ответил. Он не любил сослагательное наклонение. Индеец долго изучал Степино лицо. Степе показалось, что на него смотрят тысячи глаз одновременно и видят его насквозь. И вдруг Мадо сказал то, что Степа мечтал услышать всю

жизнь.

– А ты хороший человек, гринго. Постарайся не стать плохим. У тебя еще есть шанс.

Степино сердце сжалось и лопнуло. Он всегда сомневался именно в этом, самом важном для человека критерии. Поэтому он с какой-то болью и недоверием спросил:

– А откуда... откуда вы знаете, что я хороший человек? Я же трус... и дурак.

– Я не знаю, я вижу. – Мадо вернулся за стол и продолжил.

– И ты не трус, а вот насчет дурака соглашусь. Гринго, а скажи, ты когда-нибудь пробовал кокаин?

– Нет, хотел вот...

– Зачем?

– Ну это же... ну это как в Россию приехать и не попробовать водку с икрой.

– Что такое икра?

Степа, как мог, объяснил. Мадо был все так же тягуч.

– А-а-а-а, слышал. Это вкусно?

– Очень.

– А от нее можно умереть?

– Нет, конечно!

– А от кокаина ты умрешь. Все рано или поздно умирают. Сначала становятся плохими людьми, рушат жизни всех, кто им дорог, а потом умирают. Молчишь?

Думаешь, почему я им торгую? Нечем больше. У нас было золото, но его украли испанцы. У нас нет ничего другого. Плохо, но что делать.

– Я вас не осуждаю...

Степа понял, что хочет обязательно еще раз увидеть Мадо. Потому что у индейца были ответы на все вопросы, которые так мучили Степу всю жизнь. Он опять превратился в мальчика и задорно предложил:

– Слушайте, а приезжайте к нам в Россию! Я куплю вам пять килограммов черной икры.

– Спасибо, гринго, но боюсь... – Мадо грустно улыбнулся. – Боюсь, не получится. У меня мало времени осталось.

– Вы болеете?

– Нет, просто мое время на исходе.

– Откуда вы знаете?

– Я не знаю, я вижу. Так что приезжай ты. Я познакомлю тебя с духами. Мне кажется, тебе есть смысл с ними поговорить, позадавать вопросы. Может, ты, наконец, поверишь в то, что ты хороший человек. Мне же ты не веришь.

Степа ощутил укол куда-то в больное. Он правда слышал о том, как в Латинской Америке разговаривают с духами, поэтому озадачился.

– С духами поговорить... Вы же против наркотиков?

– Ты не путай вот это белое дерьмо и разговоры с духами. Приедешь?

– Приеду. Обязательно.

– Это хорошо. Карлос сейчас тебя отвезет, я с ним завтра поговорю, мне кажется, он может от тебя кое-чему научиться. И когда придет его время

выбирать, каким человеком стать, плохим или хорошим, он вспомнит тебя, и, может, ты ему поможешь, может, он тебя послушает, а мне кажется, это случится очень скоро. – Мадо погрузился, а потом жестко бросил Карлосу.

– Карлос, ты меня услышал?

Тот кивнул.

По дороге назад они молчали. Когда прощались, Карлос обнял Степу и держал пару минут.

– С-с-с-пасибо, Степа. Я это н-н-никогда-к-к-к... – Карлос взял лист бумаги, написал «я этого никогда не забуду» и отвернулся.

Степа часто вспоминал Мадо, иногда звонил Карлосу, передавал Мадо привет, но приехать как-то пока не получалось. Степа, конечно, рассказал Любе все в деталях. Особенно про хорошего человека. Он был так счастлив от этой банальной оценки, а Люба... Люба, как ему показалось, ничего не поняла. Особенно про хорошего человека. Так бывает, когда близкий тебе вдруг не понимает чего-то очень важного. Он от этого не становится менее близким, просто иногда нужно подождать.

Когда-нибудь близкий обязательно поймет. Ну или ты наконец поймешь, что ошибся.

В тот момент Люба сказала, что Степа идиот и что если бы ему реально пришлось отдать несуществующие у них 60 000 долларов, то она бы с ним развелась просто из чувства самосохранения. Так что ехать снова в Перу Степа не спешил. Просто часто думал о Мадо. Индеец стал для него кем-то вроде смеси Деда Мороза и Конфуция. Степа часто представлял себе их встречу, как он будет трясти объемную ладонь Мадо, обнимет его, а потом они начнут есть черную икру и разговаривать с духами, и духи подтвердят Степе все, что ему до этого говорил Мадо. В принципе, духов он представлял такими же, как Мадо, только из дыма. А однажды ему приснился сон. Мадо приехал в Россию, почему-то в одежде команчей из советских фильмов. Они пьют водку, закусывая икрой из бочки, Мадо принимает гостей, смотрит всем в глаза и выносит вердикт. Хороших людей очень мало... А потом их всех вместе почему-то приглашают на

закрытие Олимпиады-80, хотя Степа родился в 82-м. Они смотрят соревнования, организаторы выпускают олимпийского медведя в небо, и Мадо в изумлении спрашивает:

- Интересно, с какими духами общаются люди, видевшие таких странных медведей?..

Проснувшись, Степа решил набрать Карлоса, чтобы рассказать о сне и передать привет Мадо.

- Карлос, привет! Как у вас дела?

- Привет. Плохо.

Голос был таким холодным и бесчувственным, что Степа сразу все понял.

- Карлос... Мадо? Он жив?! С ним все в порядке?!

- Нет. Мадо убили, - спокойно и без всякого заикания произнес Карлос.

Ком в горле, как опухоль, занял все пространство. Убили Мадо... Степа пытался найти какую-то справедливость и хрипло спросил:

- Из-за наркотиков?

- Нет. Просто так.

- Что значит - «просто так»?!

- Просто так - значит просто так. Он поехал в соседний городок, повздорил на улице с двумя отморозками, и его забили палками прямо на улице. - Карлос как будто зачитал протокол опознания.

Разорванный Степа вдруг ощутил внутри что-то новое. Это чувство его раньше не посещало, никогда, а сейчас как волной заливало все его внутренности, уничтожив даже боль. Ненависть. Безграничная, абсолютная, всепоглощающая

ненависть. Он знал, что разорвет руками убийц Мадо... Степа тихо, но яростно просипел:

- Их поймали?

- На следующий же день.

- Вы же не отдали их полиции?

- Нет, мы сами разобрались, - с жутким, еле слышимым смешком ответил Карлос.

В этот момент Степа ощутил во рту сладкий вкус. Он знал, что ответ на следующий вопрос сделает его счастливым. И чем более бесчеловечным он будет, тем сильнее будет счастье.

- Расскажи, расскажи, как вы их убили?

Слово «как» было произнесено с таким упоением, что Степе самому на мгновение стало страшно.

- Степа, ты уверен, что хочешь это знать? - Карлос стал другим человеком: беспощадным, жестоким и неумолимым. Карлос научился ненавидеть и убивать. Трогательный, добрый Карлос из прошлой жизни умер вместе с Мадо и теми двумя, точнее, именно с теми двумя. Но новый Карлос Степе нравился гораздо больше. Он захотел стать таким же. Он со школы хотел быть именно таким. Он их всех помнил. Всех. По именам...

- Говори. Говори!!!

- Мы их не стали убивать. Просто похоронили рядом с Мадо. Пригласили их родителей на похороны... ну чтобы могли попрощаться как полагается. Приготовили им удобные гробы. Даже подушки дали. И еще кое-что в дорогу, чтобы не скучали. - Опять этот дьявольский смешок.

Опьяненный Степа перебил Карлоса:

– Кокаин?!

– Нет. Слишком просто.

Пауза. У Степы от ожидания свело мышцы на ногах.

– Что?! Говори, что вы им положили в гроб?

Вдруг он понял – что. Это же так просто, как можно не догадаться?

– Стой, я знаю! Я знаю.

– Что?

Степа никогда не ощущал такого вожделения и одержимости. Он успокоил дыхание и четко произнес:

– Кислород.

– Угадал, – с демонической жесткостью ответил Карлос. – Ты же знаешь, что это такое – задыхаться. Да. Я положил им кислород.

От чувства абсолютного, безграничного, всепоглощающего счастья Степа даже перестал дышать, а когда решил вдохнуть, то не смог.

Приступ. Астма.

Степа стал рвать легкие, но ничего не получалось, он лишь слышал эхо беспощадного голоса нового Карлоса: «Кислород... кислород... кислород...»

Сердце бешено стучало, причудился Мадо, его дом; Мадо был печален. Один вздох с трудом. «Ингалятор?! Ингалятор!!!» Он остался в машине. Другого в квартире родителей не было. Люба только что уехала, скорая не успеет. Ноги не двигались. Степа понял, что сейчас все закончится. Какая ирония. Карлос недавно заставил умереть от удушья своих врагов, а теперь задыхается его

друг. Степа уплывал, в наушнике теплился голос Карлоса.

– Так что у ребят было время подумать. А я сидел и слушал. Мы их закопали не так глубоко. Два часа. Это лучшее, что я слышал в жизни. Лучшее! Понимаешь?

У Степы стало темнеть в глазах. А Карлос продолжал.

– Вот так вот. Приезжай, Степа, сходим на могилу к Мадо. Он, кстати, оставил тебе талисман, вырезал совсем недавно, говорит, для твоего разговора с духами. Необычная вещица, какой-то странный медведь, что ли. Он сказал, ты узнаешь. Степа? Степа? Ты здесь?

Медведь... Из глаз Степы брызнул поток, он начал все смывать, абсолютно все. Ненависть и месть унеслись прочь, как дома во время цунами. Мадо стоял у выхода из своей комнаты в какой-то сад. Степа захотел туда, сделал шаг, но Мадо покачал головой, сказал «рано» и закрыл перед ним дверь. Степа стал в нее ломиться, и вдруг какая-то сила рванула его назад.

Мощнейший удар по лицу заставил хрипящего Степу очнуться. Над ним с ингалятором в руках стояла Люба. У ее машины кто-то проколол колесо, и она вернулась. В Любиной сумке всегда был ингалятор для Степы. Она знала, что когда-нибудь он понадобится.

На следующий день Степа улетел в Перу, возвращать прежнего Карлоса, пока не стало совсем поздно.

В этом его убедила Люба, которая лишь спросила, точно ли Степа хороший человек, и если да, то какого хрена он еще не летит спасать друга. Ведь его именно об этом и просил Мадо.

Да, чуть не забыл. Пока Степа летел, Люба на всякий случай перевела с общих счетов все деньги. Ну, от греха.

Палыч

Как-то я был приглашен в одну парижскую библиотеку, не поверите, для передачи им моей книги. Акт сей происходил в зале, на стенах которого висели портреты Гоголя, Чехова, Лермонтова и Грибоедова. Я представил их беседу в момент моего появления.

Гоголь. Палыч? Палыч, ты спишь?

Чехов. Нет, боюсь заснуть и быть похороненным заживо.

Гоголь. Очень смешно, особенно в сотый раз. Палыч, это что за фронт?

Чехов. Ох, не спрашивай. Это, язык не поворачивается сказать, – писатель.

Лермонтов. Дайте я его застрелю.

Гоголь. Хороший?

Чехов. Нет. Модный. Хлестаков от литературы.

Лермонтов. Тем более дайте я его застрелю.

Гоголь. То есть плохой. А чего его к нам привели?

Чехов. Говорю же, модный, без мыла в любую библиотеку влезет.

Лермонтов. Ну дайте же я его застрелю!!!

Грибоедов. Мишенька, вы бы лучше Мартынова застрелили. Николай Васильевич, тут такое дело, Палыч его не любит. Его в шутку с ним сравнили, он уже три недели не спит. Все перечитал. Ночами только и слышу «какой ужас, какая бездарность»...

Чехов. Вот вас, Александр-Сергеевич-да-не-тот, забыли спросить, что я ночами делаю.

Лермонтов. Можно я застрелю сначала Грибоедова и потом этого... Как, кстати, его?

Чехов. Цыпкин.

Грибоедов. Вот видите, как хорошо осведомлен.

Гоголь. Фамилия, конечно, как бы так помягче сказать, не писательская... Мне бы его в «Души мертвые». Он что, не мог псевдоним взять, что ли?

Грибоедов. Он следующую книгу как раз собирается подписать «Не-Чехов».

Чехов. Что?! Дайте я его застрелю!

Лермонтов. Палыч, вы промахнетесь, у вас зрение. Дайте я.

Чехов. Кто бы говорил?! Дайте мне пистолет! Убью наглеца!

Грибоедов. Да пошутил я! Вот ведь как задел! Да что вы к парню пристали? Он в свободное от работы время пишет что-то там – и всё.

Чехов. И кем он работает, интересно мне знать? Врачом? Инженером? Уверен, что нет. Думаю, какой-нибудь профессиональный прохвост.

Грибоедов. Пиарщик.

Лермонтов. Дайте я его все-таки застрелю! А что это, кстати?

Гоголь. Как? Кем?

Чехов. Вот. Я же говорил. Гнуснейшая профессия.

Грибоедов. Ну это как дипломат, только вообще без принципов. Работает за деньги на кого угодно. Делает популярным.

Лермонтов. Дайте...

Гоголь. Мишенька, да уймись вы. Сочините эпиграмму – и будет с вас. Александр Сергеевич, а о чем он пишет?

Грибоедов. О бабах.

Лермонтов. Дайте я его застрелю!

Гоголь. О бабах? Так это же чудесно.

Грибоедов. Ну сам он, конечно, говорит, что это, дескать, метафора, что на самом деле пишет о смысле жизни, но в действительности о бабах. Местами неплохо. Иногда очень смешно. Даже Палыч смеялся. Я слышал.

Чехов. Я кашлял. Ничего уж очень смешного там нет. Так. Анекдотцы.

Гоголь. Надо почитать. Раз уж Палыч его так не любит. Тем более о бабах. О чем нам здесь еще читать.

Чехов. Ты бы, Николай Васильевич, настоящего Александра Сергеевича почитал о бабах, а не этого... калифа на час. Его пусть, вон, ненастоящий читает. Защитник нашелся.

Гоголь. А я, знаете, прочту, пожалуй. Я иногда жалею, что о бабах не так много написал. А ведь были бабы в жизни, э-э-эх...

Грибоедов. Мы все жалеем.

Чехов. Не травите душу! Черт с ним, с Цыпкиным. Вот, помнится, еду я из Москвы с дамой в купе...

Лермонтов. Ну всё. Пропал вечер. Палыч, давайте в подробностях.

Чехов. И вот...

* * *

Грибоедов. Цыпкин... Цыпкин!..

Цыпкин. Да, Александр Сергеевич!

Грибоедов. Да не кричи ты, бестолочь, услышат все! Ты это, голубчик, не пиши о смысле жизни, не твое это. Я тебя очень прошу, пиши о бабах. Успеешь о смысле. А даже если не успеешь – без тебя уже написали столько, что нет сил читать. А вот о бабах – ты нас тут всех порадуешь, даже Палыча.

Мы ждем.

Люди своевременных взглядов

Поздним вечером обычного осеннего четверга Зинаида Максимовна Сырникова неожиданно поняла, что ей не хватает любовницы. Причем отчаянно.

Все в жизни прекрасной матери и жены было безупречно, а вот любовница отсутствовала, что вызывало у подруг сомнения в успешности ее земного существования. А прослыть неуспешной в глазах общественности Зинаида Максимовна не могла себе позволить.

Вскрылся дефект, надо сказать, случайно.

– Что значит – нет? – Притормозив движение шпината по воздуху, спросила Виолетта, женщина широких размеров и узкой души.

– А что, должна быть? – Зинаида Максимовна не знала, какой ящик Пандоры она открыла этим невинным вопросом и к каким необратимым последствиям для многих москвичей приведет ее желание услышать ответ.

Виолетта перевоплотилась в начальника ЖЭКа, объясняющего жильцам пользу и неизбежность отключения горячей воды.

– Да, должна быть! Ты что, совсем дура, в XIX веке живешь?! Да ты, наверное, просто не знаешь, и всё!

Зинаида Максимовна попыталась возразить.

– Виолетта, все я знаю! Я знаю его день по часам, какая любовница, нет у Миши никого.

Подруга переобулась в следователя, предлагающего стукануть на соседа. Ее вкрадчивый голос выбил основу из-под мировоззрения Зинаиды Максимовны:

– Так это еще хуже, Зиночка. Муж, у которого нет любовницы, – ненадежен и непредсказуем, к тому же это эгоизм, дурной тон и невоспитанность. Но это не главное. Если у мужа нет любовницы, у него нет самого важного, что должно быть у каждого мужа, мужчины и гражданина.

– Чего? – Зинаида Максимовна даже отдаленно не догадывалась, о чем говорит ее подруга.

– Чувства вины. Понимаешь? Человек без чувства вины – опасен, но, уверена, Миша не такой. Ты просто не задумывалась или не спрашивала; он заботливый еврейский муж, вот и бережет тебя, наверное.

Слова об общественной опасности зацепили Зинаиду Максимовну, и она осторожно задала следующий вопрос.

– То есть у твоего Коли есть любовница и ты об этом знаешь?

Виолетта увидела, что ее снаряд попал в пороховой склад неприятеля, сбросила маску и стала собой.

– Две.

– Что – «две»?

– Две любовницы. И я, разумеется, о них знаю, я же должна интересоваться жизнью любимого человека.

Зинаида Максимовна на какое-то мгновение потеряла связь с реальностью и стала рефлекторно мотать головой в разные стороны, как будто не допуская эту самую реальность в свой разум.

- Подожди, подожди... И он знает, что ты знаешь?!

- Зин, ты вот зачем эту комедию сейчас разыгрываешь, а?..

- Какую комедию?! Я серьезно спросила!

- Ну, конечно, знает. А если он мне срочно понадобится, а телефон выключен, я его как должна искать? Да и вообще - это вопрос семейной безопасности, в близкий круг должны попадать проверенные люди.

На этой фразе флегматичная в обычной комплектации Зинаида Максимовна перешла на холерический визг:

- Какой близкий круг! Твой муж трахает каких-то женщин, а ты их называешь близким кругом!

Виолетта спокойно рассматривала кофейную гущу:

- Ну трахает, это ты, знаешь, хорошо о нем думаешь. Так, тыкается периодически. И да, это наш близкий круг, а ты что, хочешь, чтобы он непонятно с кем спал?

- А только с тобой он спать не может?!

Виолетта поставила чашку на стол и озадаченно посмотрела на подругу:

- Такая мысль, если честно, мне в голову не приходила. Может, он и может, но как это меняет ситуацию? Да и потом, я говорила, это некий социальный статус, принятая норма. Просто, если у твоего Миши нет любовницы, он скоро выпадет из общества. Ну сама посуди: вот сидят они на ужине с партнерами, все рассказывают о любовницах, а Миша... Миша что рассказывает? О тебе? Он же этим поставит своих друзей в неловкое положение. Но, повторяю, я уверена, у

него всё в порядке, просто он немного старомодный и тебе не говорит. Ты спроси его с любовью, он тебе все расскажет, и успокоишься, все у тебя, как у людей, будет.

– Как у людей?

– Как у людей, у нормальных людей. Поговори с ним и набери меня.

* * *

Зинаида Максимовна откладывать допрос не стала:

– Миш, как ты думаешь, муж и жена должны друг другу всегда правду говорить?

– Что случилось? С чего такой вопрос? – Михаил Анатольевич, внешне похожий на странный симбиоз Евгения Леонова и Гари Олдмана, рылся в «Спорт-Экспрессе», громко шурша листами, поэтому вопроса как будто бы даже не заметил. Зинаида Максимовна, как мы понимаем, не отступила:

– Ну ответь.

– Конечно, иначе зачем вообще брак нужен. И так вокруг одно вранье. – Он продолжал поиски нужной статьи, поэтому отвечал немного сквозь жену.

– И ты всегда говоришь мне правду?

Наконец он понял, что беседа перестает носить бессмысленный характер:

– Зин, что случилось?

– Обещай мне, что скажешь правду.

– Обещаю.

– Кто у тебя есть, кроме меня? Меня это не обидит! Это более чем нормально, просто я переживаю, кто эта женщина. Не хочу, чтобы ты из-за страха меня обидеть влез в какую-то историю, так что ты... – Смятение, сопереживание и искренность, источаемые Зинаидой Максимовной, залили всю их многокомнатную квартиру. Михаил Анатольевич опешил:

– Зинуль, ты чего? У меня нет никого... и не было, я тебя люблю.

– Конечно, любишь! Я в этом не сомневаюсь! Просто... Мне кажется, это нормально, а я бы хотела, чтобы мы жили без секретов. Я женщина очень своевременных взглядов... тьфу!.. – Зинаида Максимовна волновалась, – в смысле – современных.

– Зин, ты о чем? Кто тебе голову заморочил?

– Да никто, сама себе заморочила, ну просто мне кажется это нормально, после стольких лет брака завести любовницу, и я бы тебя поняла.

– Зина! Мне не нужна любовница! Я люблю тебя, понимаешь?

– Ну ладно...

– Что значит «ну ладно»?! Ты как будто огорчена!

– Нет, я не огорчена... Я просто озадачена. Неужели так сложно сказать правду...

– Я сказал правду!!! А, я знаю, в чем дело. Это Виолетта?! Дура конченная. Господи, жениться надо не на сиротах, а на социопатках без подруг.

– Как тебе не стыдно?! Она так тебя любит! И потом, она жена Николая Георгиевича, а он друг твоего акционера, я бы на твоём месте радовалась, что мы дружим.

– Я радуюсь! Безмерно! Но ты все-таки выкинь эту дурь из головы. Не все такие, как Виолетта и ее окружение, понимаешь, не все. Хотя согласен: таких большинство, но есть исключения.

В этот момент Зинаида Максимовна вспомнила слова Виолетты про социум и крепко задумалась. Через пару дней они встретились с подругой снова.

* * *

Виолетта, выслушав доклад, вынесла вердикт:

- Да врет, конечно. Ну он еще пока как-никак молодой, вы же сексом вряд ли занимаетесь, с кем-то он должен это делать.

- Почему не занимаемся? Занимаемся. - В голосе Зинаиды Максимовны звучал намек на стыд.

- Ну раз в год - это не в счет.

- Мы не раз в год. - Стыд перешел в раскаяние.

- О'кей - два, не суть.

- Виолетта, ну мы вообще-то раз в неделю... - Раскаяние превратилось в возражение, которое, в свою очередь, радикально изменило эмоциональный фон Виолетты.

- Вы в браке 15 лет и занимаетесь сексом раз в неделю?! Ты можешь хотя бы мне не врать?

- Зачем мне тебе врать?

Многие бы не нашли, что сказать, но только не Виолетта Александровна Красина, в девичестве Линько. Она сингулировала весь свой вес в убойный аргумент:

- Тогда у него точно любовница! Он же сексоголик. Это очевидно. Зина, ты в этом вопросе, думаю, не очень подкована, а я тебе глаза-то раскрою. Мужик либо каждый день, либо раз в месяц. Раз в неделю - это точно какая-то фальшь!

Остатки Зинаиды Максимовны изумились:

– А Коля что, каждый день?!

– Каждый день мы с девочками ему не даем. Помрет еще от таблеток. Но три раза в неделю это...

– С какими девочками?! Кто кому не дает, я ничего не понимаю!

– Ну с любовницами его. Мы все совместно решаем. У нас чат на троих. –
Вioletта была предельно деловита и распорядительна.

– Господи, какой кошмар... Может, ты еще у них отчет получаешь? Как у тех, кто собаку выгуливает?!

– Конечно, а в чем разница? Если по большому счету-то. И там, и там кобель с инстинктами и без мозгов.

Вioletта внимательно разглядывала бокал красного вина, как будто и правда искала там истину. Зинаида Максимовна продолжала смотреть программу «Тайны Вселенной».

– Прости, а Коля, Коля про ваш чат знает?!

– Нет, конечно! Он думает, что они друг про друга не знают, он же очень добрый человек, переживает.

Менее опытная подруга опрокинула бокал и решила на новый вопрос:

– Я сейчас напьюсь. А пока я еще соображаю, скажи мне, как ты их всех вычислила... как познакомилась, как установила контакт?

После некоторой паузы ведущая программы «Тайны Вселенной» серьезным голосом попросила подругу:

– Зиночка, повернись спиной.

Та исполнила, но все-таки уточнила:

– Зачем?

– Ну я тебя прошу. Ага. Пока не растут.

– Кто не растет?

– Крылья у тебя не растут! Я на тебя смотрю и в ангелов верить начинаю. Ты что, до сих пор не поняла? Я же ему их и нашла! Проверила на вшивость, даже на детектор лжи посадила, и обо всем с ними договорилась, в том числе и о бюджете, чтобы варежку особо не открывали. Через год-другой, конечно, поменять надо хотя бы одну, а то Коленька заскучает и начнет на сторону смотреть, а я этого не могу допустить.

На этот раз пауза была достойна сцены МХТ. Виолетта доедала стейк. Зинаида Максимовна просто уставилась в никуда. Потом она уже буднично, без всякого любопытства и придыхания спросила:

– Виолетта, скажи, а ты с них откат не думала получить?

Г-жа бывшая Линько наполнилась восхищением:

– Зина, вот всегда говорила, что ты из нас самая умная! С новенькой точно надо взять. Отличная мысль. Зинуль, ты так не переживай, это сначала тяжело, потом втянешься, а главное, я повторюсь, если у него нет любовницы и он не собирается ее завести, то, если честно, это еще хуже. Его люди не поймут. Станет изгоем. Это же девиация.

– Мне казалось, девиация – это что-то другое.

– Девиация – это то, что большинство считает девиацией.

Зинаида Максимовна наконец насторожилась. Мало что ее могло напугать больше, чем изоляция. Однако на ее мужа угроза не подействовала.

* * *

– Какое общество? Какая изоляция? Вы там совсем рехнулись! Ты вот сейчас серьезно?! – Михаил Анатольевич впервые за пару лет кричал на жену. – Ты меня сейчас уговариваешь завести любовницу, потому что это теперь нормально?!

– Или сознаться, что она есть; я уже не знаю, чего я хочу, я в какой-то панике, а вдруг у тебя начнутся проблемы на работе...

– Да, разумеется, там всем есть дело до моей личной жизни. Успокойся, Зиночка, все будет хорошо, не нужна нам любовница.

Следующим утром верного мужа вызвал к себе акционер компании, которую Михаил Анатольевич возглавлял. Акционер, как вы помните, был другом мужа Виолетты.

– Миш, это правда?

– Что именно, Петр Михайлович?

– Что у тебя нет любовницы? – Петр Михайлович смотрел на верного мужа, как отец на сына-двоечника.

Михаил Анатольевич завис, словно пиратский Word, но собрался.

– А это имеет какое-то значение? – робко поинтересовался Word.

– Ну как тебе сказать... Если бы ты не придал этому факту огласку, сидел бы со своей верностью дома и никому бы не говорил, то не имело бы, а теперь информация выливается. Твоя жена с Виолеттой это все обсуждает, та с другими людьми. Ситуация нехорошая. Надо решать как-то. Ты всех подводишь.

– Вы сейчас серьезно?! Своей верностью жене я всех подвожу?!

– Да. Ты ставишь под сомнение принятые в нашем дружном коллективе устои. Короче. Реши ситуацию. Я два раза повторять не буду. Мне и так уже всю голову тобою прожужжали.

Михаил Анатольевич так обалдел, что сделал неожиданный ход.

– Ладно. Сознаюсь. Я от жадности. Это же какой бюджет. Что-то приличное сразу квартиру потребует, хотя бы однокомнатную.

Петра Михайловича отпустило. Он рассмеялся.

– Вот всегда был в тебе уверен! Нормальный ты мужик! Ну а жадность, что тут скажешь, кровь не вода. Квартира с меня. Это дело благое. Тем более у нас там стоят продажи в одном доме, в какой-то глухомани. Решим, короче. Ищи что-то приличное.

– Спасибо, конечно, а где искать-то?

– В синагоге! Ну договорись с секретаршей. У тебя вон грудастая, хоть и туповатая. Самое то, лучше, чем наоборот.

Михаил Анатольевич понял, что шеф его не шутит, изумился радикальному изменению времен, включил национальный инстинкт самосохранения и понял, что ситуацию придется «решать». Вечером он сам вышел на разговор с женой.

* * *

– Зинуль, это какой-то дурной сон, но ты права насчет любовницы. Твоя ненормальная Виолетта разнесла ваш разговор по всей деревне, и меня разнес Петя, требует, чтобы я был как все. Я даже не знаю, что делать.

Зинаида Максимовна даже как-то обрадовалась.

– Ну слава богу, нашелся умный человек, предупредил тебя по-дружески. Вот и заведи, я не против. – Михаил Анатольевич отметил про себя, что последнюю фразу его жена произнесла со скрытой грустью.

* * *

Следующим утром Михаил Анатольевич пригласил секретаршу в кабинет, усадил на диван и задал вопрос:

– Ниночка, как у вас с жилплощадью?

Верхняя и средняя пуговицы Ниночкиной блузки расстегнулись самостоятельно. Сдержатъ напор груди, рвущейся в глухомань, они не смогли.

Михаил Анатольевич их застегнул и озвучил предложение.

* * *

А еще через неделю секретарша позвонила Зинаиде Максимовне и попросила о встрече.

Ниночка взяла Зинаиду Максимовну за запястье и с какой-то родственной тревогой произнесла:

– Зинаида Максимовна, я бы никогда вас не побеспокоила, если бы не крайняя необходимость, просто ваш муж... он вас обманывает, а я человек с принципами и решила, что вы должны знать правду.

– Я все знаю, мой муж спит с вами, и я ничего не имею против, даже скорее за, вы все-таки свой человек.

– Зинаида Максимовна, в том-то и дело, что он со мной не спит... Он вам врет. Деньги платит, даже домой ко мне приезжает, но не прикасается ко мне.

– То есть как это не прикасается?!

– Да вот так! Он мне сказал, что вы бы хотели, чтобы у него была любовница, и в этом я вас поддерживаю. Солидный человек как-никак. И вот, представляете, он меня уговорил стать его фиктивной любовницей. Он мне даже квартиру

пообещал, маленькую, правда, и далеко, но надо с чего-то начинать. Так вот, он при этом меня не трогает. Я сначала подумала – шутит, ну игра такая сексуальная, а оказалось, он и правда ничего не хочет со мной делать. Так унижительно.

– Что значит – «не хочет»? Я ничего не понимаю. Может, он стесняется? Вы давали ему понять, что готовы... ну...

– Давала. Я намекнула.

– Как?

– Я его голая встретила, когда он первый раз приехал!

– А он?

– Он так на меня посмотрел... ну не знаю, как сказать... в общем, по-мужски... Сказал, с меня картины писать надо, но попросил одеться и просто заниматься своими делами, а сам читал газету.

– «Спорт-Экспресс»?

– Да, вроде...

– Достал меня со своим футболом. Ладно.

– Я еще подумала, мало ли он, того... ну, не может...

– Все он может, пусть не прикидывается, дома-то может как часы, что в гостях выделываться-то, не пойму.

– Да я поняла, что может, я его прямо так за это место взяла... Повезло вам с ним, конечно...

– С мужем?

– С местом этим у мужа. Я прям позавидовала. У меня таких не было.

– То есть, подожди, ты его, прости... за член взяла, тот стоит, а он все равно ничего делать не стал?!

– Да. Говорит, любит вас, и нужно уметь себя сдерживать. Если честно, мне кажется, у него какая-то вами одержимость. Я с парой подруг поговорила, все в один голос – маньяк.

– Да точно – маньяк! – Версию Ниночки активно поддержала Виолетта, которой Зинаида Максимовна в деталях все рассказала. – Он опасен! Он реально тебя придушит когда-нибудь, если ты кого-то заведешь, помоложе, а я работаю над этим.

– Над чем?

– Не важно, потом все расскажу. Короче, срочно к психологу, его спасти надо, а то тебя потом не спасем. Случай сложный, нужен специалист высокого уровня. Это, конечно, расходы, но... Я все решу.

– Спасибо, Виолетта, что бы я без тебя делала... Я сейчас подумала: а ведь и правда Миша не совсем в порядке...

К обсуждению психолога Михаила Анатольевича подготовил разговор с Петром Михайловичем, который был четок в формулировках.

– Миш, ты что, совсем страх потерял? Ты чего творишь?! Ты реально свою, как ее там, я забыл, не трахаешь, что ли?! Квартиру, то есть, мы ей дарим, а ты филонишь. Из нас всех идиотов решил сделать? Это что за кидок? Я что, тебе верить не могу?! Ты меня, своего друга, обмануть решил?

– Петь (они были знакомы давно, тем не менее субординация заставляла Михаила Анатольевича обращаться к старому другу по имени-отчеству, но сейчас ситуация была исключительная), ты что, да я... Да ты мне верить как себе можешь! Ну не смог я, ну люблю я Зину, ну я попробовал...

– Попробовал он! Значит, надо было свою корову язык за зубами попросить держать (корову – это я про секретаршу), дал бы ей легенду, чтобы она везде говорила, как ты ее дерешь регулярно, все бы довольны были. У меня МИНИСТР, понимаешь, МИНИСТР про тебя узнавал, спрашивал, что я там у себя развел в коллективе, непотребство какое-то. В общем, так. Даю тебе неделю, чтоб стал нормальным человеком. К врачу сходи! В отпуск! Хочешь, бабу найди вменяемую для легенды, хотя тебе сейчас придется в наш «каравай» вписаться, чтобы я всем мог сказать, что ты нормальный.

– Какой каравай?

– Ну мы так групповуху называем. Раньше тебя не звали, она для акционеров, ну а сейчас придется.

– А почему каравай?

– Каравай, каравай, кого хочешь выбирай. Хотя мы тут Кошкина на последнем каравае потеряли. Так что хрен знает, когда будет, но будет.

– Он что, на вашем этом каравае умер?

– Ну да.

– Сказали же – дома...

– Ну ты что, целую операцию организовали, чтобы он «дома» умер. Хорошо, его жена в теме, помогла, хотя и пришлось с мертвым мужем дома полежать... но не суть. В общем, ты меня понял. Ситуация зашла в депо. А времена сложные. Я тебя как друга прошу. Трахай, кого хочешь, хоть кота моего, но чтобы все успокоились. Чтоб был как все.

* * *

После такого вливания Михаил Анатольевич был готов ко всему, но от тональности и напора своей жены все равно потерялся.

– Миш, нам надо серьезно поговорить. Я тут с Ниночкой встречалась. Не перебивай. Ты, оказывается, всех обманываешь. Не перебивай, я сказала! Я все знаю в деталях. Если честно, я очень обеспокоена. У тебя какая-то одержимость и патология. Я уже молчу о том, как ты нас всех позоришь в обществе своей псевдонравственностью, но это еще пережить можно. Я волнуюсь за свою безопасность. Ты какой-то маньяк, по всеобщему мнению.

– Зина. Ты в своем уме?! Я просто тебя люблю – и я маньяк!!!

Он захотел взять жену за руку. Но та резко его оттолкнула.

– Не трогай меня. Пока мы не сходим к врачу, будешь спать в кабинете.

– К врачу?!

– Да, к лучшему московскому психологу.

– И с какой проблемой мы к нему придем? – Михаил Анатольевич попытался вырваться из тисков Матрицы.

– Ты не хочешь мне изменять. Ты сконцентрирован только на мне. Это патология. Я предварительно с ним пообщалась. Он тоже так считает. Ты спроси у своих друзей, просто из любопытства – ты один на весь город.

– И что?!

– А значит, ты ненормальный. А у нас дети. Я боюсь за них. Если к врачу не пойдем, я... я о разводе задумаюсь. – Зинаида Максимовна наполнила глаза слезами.

У Михаила Анатольевича от этого приема всегда стонало сердце.

– Зина, ты что... Я без тебя жить не могу.

– Вот именно!!!

– Да я когда в командировке сплю без тебя, я заснуть не могу. Ты что... Ну хочешь, пойдём к врачу, я все сделаю, как ты хочешь...

Через три месяца упорной работы психолога у двух людей в Москве появились новые машины. У самого психолога и у девушки Лизы, которую Зинаида Максимовна лично выбрала для своего мужа после месячного кастинга. Ниночку она решила все-таки поберечь на черный, так сказать, день. В семье Сырниковых вновь воцарилась гармония.

Через год Михаил Анатольевич сказал Зинаиде Максимовне, что больше так не может, собрал вещи и ушел к Лизе, в которую в итоге влюбился.

Подруги Зинаиды Максимовны торжествовали, как и сама, казалось бы, пострадавшая. Михаил Анатольевич, по общему мнению, оказался нормальным мужиком, – таким же кобелем, как и все, только еще в итоге бросившим жену после стольких лет брака, что, конечно, перебор, но допустимый, особенно с учетом его щедрости при разводе. Как вы понимаете, из социума он не выпал, равно как и Зинаида Максимовна, которая пыталась наладить дружбу с новой женой своего мужа и передала ей подробную инструкцию по эксплуатации. Урок общественного поведения Михаил Анатольевич усвоил, поэтому иногда участвовал в каравае, но в остальном хранил верность Лизе, объясняя ее тем, что она и так выжимает из него все соки, а также наконец постучавшейся к нему в двери сексуальной немощью. Эти причины были приняты обществом как достойные на первом этапе нового брака. На некоторое время общество оставило его в покое, но приглядывало.

На днях рождения детей Зинаида Максимовна и Михаил Анатольевич под столом держались за руки. Тайком от всех. Их сердца перестукивались. Зинаида Максимовна потом ночью плакала. Начала она с успокоительных, закончила мощными антидепрессантами. Михаил Анатольевич после таких встреч листал в телефоне их семейные фотографии и писал какие-то четверостишия. Начал он с водки, закончил ею же.

Любовь – очень живучее чувство. Победить его можно только коллективными усилиями всех окружающих.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/aleksandr-cypkin/devochka-kotoraya-vsegda-smeyalas-posledney>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)